

Дмитриева Т.Н.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АВТОНОМИИ – НАСЛЕДИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗИРОВАННОЙ ЭТНИЧНОСТИ ИЛИ ФАКТОР ГРУППОВОЙ ИЗОЛЯЦИИ МИГРАНТОВ? ОТКЛИК НА СТАТЬЮ Е.И. ФИЛИППОВОЙ «МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК ПОЛИТИКА И КАК ФИГУРА РЕЧИ»

Аннотация: Предметом исследования является феномен национально-культурной автономии. В качестве объекта исследования определена роль национально-культурной автономии в процессе адаптации и интеграции мигрантов. Презентация национально-культурной автономии в качестве актора политики интеграции инициирует в экспертном сообществе дискуссию о возможных рисках культивирования этнических различий и анклавизации мигрантских сообществ. В статье теоретические выводы Е.И. Филипповой сопоставляются с результатами, полученными в ходе практической работы автора статьи и других экспертов. Диалектический подход к исследованию позволил изучить институт национально-культурной автономии с учетом его качественного изменения в контексте противоречивости политических процессов. Посредством социологического метода исследования обобщен фактический материал, позволяющий выявить определенные тенденции. Национально-культурная автономия рассматривается как результат поиска баланса между разнонаправленными тенденциями в национальном вопросе в определенный исторический период. Сделан вывод о совершенствовании правовых основ национально-культурной автономии на фоне изменения политической ситуации в стране. Исследован социально-экономический ресурс национально-культурных объединений в контексте консолидации мигрантов. Отмечена несостоятельность претензии национально-культурной автономии на универсальность в части реализации права этноса на культурно-национальную автономию.

Ключевые слова: Культурно-национальная автономия, институционализация этничности, трудовые мигранты, адаптация мигрантов, групповая изоляция, мигрантские сообщества, акторы политики интеграции, этнокультурный компонент образования, Киргизтаун, национальные объединения.

Abstract: The subject of this research is the phenomenon of the national-cultural autonomy. The object of this research is defined by the role of the national-cultural autonomy in the process of adaptation and integration of migrants. Presentation of the national-cultural autonomy as the actor of integrational policy initiates a discussion within the expert society on the possible risks of cultivation of ethnic differences and enclavisation of the migrant communities. The article compares the theoretical conclusions of Y. O Filippova to the results acquired during the course of empirical research of the author of this work and other experts. The dialectical approach towards the research allowed studying the institute of national-cultural autonomy considering its qualitative change in the context of contrariety of the political processes. The national-cultural autonomy is being viewed as the result of search of the balance between the multi-vectoral trends with regards to the national problem in the specific historical period. The conclusion is made on the improvement of the legal grounds of the national-cultural autonomy on the background of the changes in the political situation of the country. The author examines the socioeconomic resource of the national-cultural unions in the context of consolidation of the migrants. The author also notes the failure of the attempt at universality of the national-cultural autonomy pertaining to the realization of the right of ethnic group upon the cultural-national autonomy.

Keywords: Ethno-cultural component of education, actors of the integrational policy, migrant communities, group isolation, adaptation of migrants, migrant workers, institutionalization of ethnicity, cultural-national autonomy, Kyrgyztown, national unions.

В ходе изучения публикаций российских исследователей, размещенных в журнале «Вестник российской нации», внимание автора настоящей работы привлекла статья Е.И. Филипповой «Мультикультурализм как политика и как фигура речи» [1]. С точки зрения практика, осуществляющего непосредственное взаимодействие с национальными, религиозными и иными общественными объединениями в сфере адаптации и интеграции мигрантов, показались спорными отдельные утверждения ученого. Возникло желание сопоставить теоретические выкладки с наблюдениями, появившимися в ходе реальной деятельности.

Эпиграфом к своей статье Е.И. Филиппова предложила тезис В.А. Тишкова о том, что этническую солидарность люди выбирают как ресурс в эпоху экономических и политических неурядиц в граждански незрелых обществах при плохом правлении [1, с.128]. В исторической ретроспективе мы можем наблюдать рост националистических движений в эпоху распада империй, назревания революций и глобальных вооруженных конфликтов. Конкуренция этносов и этнических групп, обостряемая «в условиях социального экономического, политического, идеологического и морально-нравственного транзита, а также в условиях экономического и финансового кризиса» – одна из очевидных причин националистических проявлений и акций [2, с. 35].

Классики марксизма-ленинизма в своих трудах уделяли большое внимание национальному вопросу. Собственно, в эту эпоху перемен и возникает феномен культурно-национальной автономии. История его начинается в 1899 году со съезда австрийских социал-демократов в Брюнне, где южнославянские социал-демократы предложили национальную программу, в которой культурно-национальная автономия определялась следующим образом: «каждый живущий в Австрии народ, без отношения к занимаемой его членами территории, составляет автономную группу, которая совершенно самостоятельно ведает всеми своими национальными (языковыми и культурными) делами» [3, с.313]. По свидетельству В.И. Ленина, указанная программа экстерриториальной культурно-национальной автономии была отклонена из-за риска увековечивания и внесения шовинизма «в каждую мельчайшую общину, в каждую малейшую группу» [3, с. 314].

Тема отношения большевиков к культурно-национальной автономии получила развитие в работах И.В. Сталина. Вслед за В.И. Лениным, противопоставляя культурно-национальную автономию праву народов на самоопределение, считая саму идею экс-

территориальной национальной автономии чуждой принципу интернационального сплочения рабочих, а также бесполезной в условиях развитой демократии, он называет «учреждения культурно-национальной автономии» бессильными в настоящем и излишними в будущем [4, с. 340]. Естественно, в течение последующего советского периода вопрос о культурно-национальной автономии был закрыт.

В период «парада суверенитетов», в условиях необходимости преодоления дезинтеграционных процессов в государстве идея австрийских социал-демократов вековой давности вновь приобрела актуальность. Всем этническим общностям, компактно проживающим вне своих национально-государственных образований или не имеющим своей государственности, гарантировано право на культурно-национальную автономию, то есть право на свободную реализацию своей культурной самобытности посредством создания национальных культурных центров, национальных обществ и землячеств [5]. Стоит обратить внимание на то, что предметность идеи отражена в термине «культурно-национальная автономия», именно в таком порядке с акцентом на культуру. Однако, позже после ратификации Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств ETS N 157, принятой в Страсбурге 1 февраля 1995 года, был принят Федеральный закон от 17 июня 1996 г. N 74-ФЗ «О национально-культурной автономии», где в определении первенствует национальный аспект.

Здесь уместно сказать о том, что возникновение феномена национально-культурной автономии на современном этапе – это очевидная реакция на диалектически взаимосвязанные процессы глобализации и его антипода, так называемого, «этнического ренессанса». В контексте российских реалий возникновение национально-культурной автономии призвано способствовать сохранению баланса между центристскими и центробежными векторами развития страны. С одной стороны, действительно, институционализируются этнические различия или, как выражались марксисты, «конституируется национализм», с другой – появляется ответственный проводник государственной политики в национальном вопросе. Речь идет о поиске «институтов и форм, которые использовали бы позитивные стороны различных тенденций и преодолевали, отсекали их отрицательные черты, разрушительные свойства: тоталитаризм, сковывающий свободу и самобытность народов, или бездумный сепаратизм, приводящий к распаду объективно сложившейся общности» [6, с. 7]. Национально-культурная автономия – это не-

кое компромиссное звено, возникшее в эпоху отсутствия общегражданской российской идентичности, в отличие от советской эпохи, когда «этнические особенности народов России не являлись базовым консолидирующим фактором» [7, с. 67].

Еще в 90-е годы разработан ряд кардинальных начинаний, реализованных только в настоящее время, в том числе, по усилению акцентов, связанных с проблемами адаптации и интеграции мигрантов в принимающем сообществе, участия национально-культурных объединений в этой работе [8, с. 165]. Е.И. Филиппова утверждает, что инициатива Комитета по делам национальностей Государственной Думы РФ, впоследствии реализованная в виде федерального закона Российской Федерации от 4 ноября 2014 г. N 336-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 4 Федерального закона «О национально-культурной автономии», продолжает «курс на институционализацию этнических различий» [1, с. 131]. Оппонируя Филипповой, полагаю, что закон не продолжает курс на институционализацию этнических различий, а, наоборот, переносит акценты в работе национально-культурного объединения с возможного культивирования этнической исключительности на включение мигрантов в российский социум, являясь дополнительным фактором формирования общероссийской гражданской идентичности. Законодательный акт расширяет перечень видов деятельности национально-культурных объединений за счет интеграционных по сути направлений: «укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу, а, также, осуществления деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов» [9]. Более того, несмотря на то, что к этому в определенной сфере обязывает упомянутая Рамочная конвенция, так и не был принят общий закон о защите национальных меньшинств, многократно обсужденный в Государственной Думе Федерального собрания Российской Федерации [10]. Здесь просматривается определенная логика законодателя касательно нежелания чрезмерно институализировать этнические особенности и принимать идеологию мультикультурализма как реальную политику, и как фигуру речи.

Хотелось бы обратить внимание на очевидно спорный тезис о том, что «национально-культурные автономии создавались давно и благополучно интегрировавшимися гражданами России, имеющими очень мало общего с прибывающими в страну мигрантами, многие из которых не планируют оставаться тут навсегда» [1, с. 131]. В действительности,

национально-культурные объединения активно представляют интересы и постоянно проживающих, и временно пребывающих иностранных граждан [11, с. 87]. Исследуя инфраструктуру миграционных сообществ В.М. Пешкова констатирует, что одну из значительных ролей в организации сообществ играет взаимодействие мигрантов, приехавших еще в советское время, и недавно прибывших мигрантов [12, с. 130]. Дополнительным свидетельством этого факта является постоянное участие руководителей ФНКА в рабочих совещаниях, проводимых УФМС России по городу Москве в целях разъяснения миграционного законодательства. Например, регулярно принимают участие в таких встречах руководители ФНКА украинцев России, ФНКА Азербайджана, ФНКА курдов, ФНКА узбеков и другие. Таким образом, проявляются групповые стратегии поведения мигрантов в процессе адаптации. Презентация национально-культурной автономии в качестве проводника государственной политики в национальном вопросе, в данном случае, как актора политики интеграции, корреспондирует с идеей Т.Я. Хабриевой о том, что закон «О национально – культурной автономии» должен распространяться и на иностранных граждан, законно проживающих на территории России [6, с. 51]. Существующее положение не противоречит логике политики интеграции, наоборот появляется возможность использовать внутриэтническую интеграцию (консолидацию) мигрантов для включения их в процесс интеграции с принимающим сообществом.

Е.И. Филиппова ошибочно полагает, что в качестве объекта интеграции законодатель имел в виду, именно, трудовых мигрантов, в законе «О национально-культурной автономии» об этом ничего не сказано [9]. Представители Федеральной миграционной службы и другие эксперты в области миграции осознают, что процесс включения иностранных граждан в российский социум требует дифференцированного подхода. Об этом, в том числе, свидетельствует понятийный аппарат законопроекта «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации», разработанного Федеральной миграционной службой России. Адаптация рассматривается как совокупность действий по включению в социум временного трудового мигранта, а интеграция направлена на включение в принимающее сообщество «в объеме, необходимом для временного проживания или постоянного проживания на территории Российской Федерации» [13].

Опасения Е.И. Филипповой по поводу того, что объединение мигрантов вокруг национально-культурных автономий «закладывает основу для их группо-

вой изоляции», представляются несостоятельными. Если бы национально-культурные автономии по приведенному в статье примеру Нидерландов 1980-х гг. были бы включены в государственные программы социальной поддержки, адресованные определенным этническим группам, имели бы свои социальные институции, финансируемые государством, тогда можно было бы говорить о риске групповой изоляции мигрантов посредством объединения вокруг национально-культурных автономий. В нашем, российском, случае все иначе. Одним из принципов национально-культурной автономии является сочетание общественной инициативы с государственной поддержкой. Деятельность организации сконцентрирована в области сохранения и развития языка и культуры. Финансирование деятельности, связанной с реализацией прав национально-культурных автономий, осуществляется за счет средств национально-культурных автономий, их учреждений и организаций, частных лиц, а также за счет иных не запрещенных законом источников. Касательно государственной поддержки в законе присутствует элемент вариативности, используются словосочетания: «могут содействовать», «обеспечивают при необходимости», «с учетом предложений национально-культурных автономий и конкретных условий региона» и так далее [9].

В этой связи показателен пример динамики функционирования школ с этнокультурным компонентом в Москве. Открытие таких школ в свое время соответствовало политической конъюнктуре и опиралось на соответствующую нормативно-правовую базу. В 1997 году утверждены «Положение об общеобразовательной школе с этнокультурным (национальным) компонентом образования в г. Москве» и «Положение о дошкольном образовательном учреждении с этнокультурным (национальным) компонентом образования в г. Москве» [14]. Затем, утверждена Программа развития этнокультурного (национального) образования в Москве на 1998-2000 годы. Программа предусматривала открытие в 1998-1999 годах дополнительно 7 средних и одного дошкольного образовательных учреждений. К моменту утверждения Программы этнокультурное образование в Москве уже воплотилось в разных формах и видах. Это дошкольные учреждения, учебно-воспитательные комплексы, общеобразовательные школы, учреждения начального профессионального образования, лицеи, колледжи, культурно-образовательные центры, факультативы. Их количество с единственного факультатива в 1980 году увеличилось до 47 образовательных учреждений, включая 42 государственных [15]. Однако, в 2012 году

Правительство Москвы признало ряд правовых актов утратившими силу [16]. Таким образом, функционирование государственных образовательных учреждений с этнокультурным компонентом было прекращено, а этнокультурный компонент переведен в сферу дополнительного образования.

Для групповой изоляции мигрантов вследствие деятельности национально-культурных автономий отсутствуют не только правовые основания, но и реальные возможности. Изучение спектра национальных объединений, функционирующих в Москве, позволило сделать вывод о том, что официально зарегистрированные организации, включая национально-культурные автономии, располагают достаточно ограниченным человеческим ресурсом среди представителей соответствующей диаспоры. Эти наблюдения подтверждаются исследованиями социологов [11, с. 86]. Кроме того, в столице существует достаточно незарегистрированных землячеств, как моноэтнических, так и полиэтнических, успешно конкурирующих с национально-культурными объединениями за авторитет в диаспоральной среде. Под руководством Е.А. Варшавера проведены обстоятельные исследования различных неформальных объединений мигрантов в Москве. По итогам работы был сделан вывод о том, что «сообщества не складываются по этническому принципу», а «складываются по-разному и существенно отличаются друг от друга». В качестве полиэтнических выделены исламские сообщества и земляческие сообщества самаркандцев. Выделено общество – Киргизтаун, обладающее набором институтов для обслуживания «города» киргизов в Москве при отсутствии какой-либо локализации [17, с. 80]. В.М. Пешкова отмечает, что инфраструктура, создаваемая преимущественно мигрантами из Узбекистана и Киргизии в Москве, «включает в себя этнические объединения, этно-мигрантские ассоциации, различные посреднические фирмы (агентства по продаже авиабилетов, агентства недвижимости, оформление документов и т.п.), «этнические» СМИ, медицинские центры, кафе и клубы, мигрантские сети» [12, с. 135]. Действительно, киргизское сообщество в Москве консолидировано в значительной степени. Управлением Федеральной миграционной службы по г. Москве установлено взаимодействие с рядом киргизских организаций: Межрегиональной общественной организацией содействия укреплению мира дружбы и межнациональному взаимопониманию «Киргизское единение», Центром содействия развитию русско-кыргызских взаимоотношений «Мекеним Ала-Тоо», землячеством «Общероссийский Кыргызстанский конгресс»,

киргизской общественной организацией по развитию молодежных инициатив «Айкол», в структуру которой входят журнал «Деловая Аудитория», клуб смешанных единоборств «Айкол». Ранее, до 2015 года функционировало Межрегиональное общественное движение трудовых мигрантов Кыргызстана. По информации лидеров организаций в деятельности указанных объединений принимают участие и граждане России и иностранцы. Все указанные организации находятся в поле зрения Посольства Республики Кыргызстан, поддерживают активные коммуникации между собой и открыты к сотрудничеству с органами государственной власти столицы. Тем не менее, национально-культурной автономии киргизов какого-либо уровня в Москве не организовано. Таким образом, национально-культурная автономия не может претендовать на универсальность в реализации национально-культурных прав этноса и не исключает иных форм самоорганизации граждан по признаку принадлежности к определенной этнической общности.

В качестве авторитетного мнения, Е.И. Филиппова приводит высказывание председателя общественного движения «Таджикские трудовые мигранты» К.Б. Шарипова о тяжелой жизни трудовых мигрантов в Москве, о том, что «начинать нужно не с культурных программ, а с налаживания нормального человеческого контакта между мигрантами и москвичами» [1, с. 132]. Действительно, вышеприведенные выводы социологов говорят о том, что социальная и экономическая адаптация в понимании прибывающих иностранных граждан гораздо важнее культурной адаптации. Результаты мониторинга адаптационных курсов в Москве, проведенного автором настоящей статьи, свидетельствуют о низкой мотивации иностранных граждан к изучению русского языка, истории и культуры [18, с. 119]. Тем не менее, очевидно, что налаживание коммуникаций между людьми может быть чрезвычайно затруднено при наличии значительной социокультурной дистан-

ции между ними. Более того, в ситуации социальной неадекватности и культурной некомпетентности многих мигрантов по отношению к принимающему сообществу и возникают организации, объединяющие их по этническому признаку, а лидеры этих организаций, пренебрегая инициированием адаптационных программ, всегда имеют повод еще раз поговорить о правах мигрантов.

Касательно выбора приоритетов, можно утверждать, что трудовые мигранты, урегулировавшие свой статус, имеющие работу, нуждаются в разнообразном досуге, в том числе, в культурном развитии. Об этом свидетельствует опыт киргизского сообщества. На организацию досуга киргизской молодежи направлена деятельность клуба «Айкол», в ноябре 2015 года при активном участии киргизских объединений на юге Москвы открылся Поликультурный этнический центр, который совмещает в себе функции учреждения культуры, образовательного центра и общественной дискуссионной площадки.

Представляется, что вышеизложенное можно подытожить следующими тезисами.

Национально-культурная автономия институционализирует этнические различия, однако, ее возникновение – результат поиска баланса между разнонаправленными тенденциями в национальном вопросе в определенный исторический период.

С изменением политической и экономической ситуации в стране, происходит соответствующая аккомодация общественных запросов, в связи с чем, совершенствуются правовые основы национально-культурной автономии.

Национально-культурная автономия не является фактором групповой изоляции мигрантов в силу отсутствия возможности использования ее потенциала в качестве экономического и социального ресурса.

Национально-культурная автономия лишь одна из форм реализации права на культурно-национальную автономию.

Библиография:

1. Филиппова Е.И. Мультикультурализм как политика и как фигура речи // Вестник Российской нации. 2014. № 2. С. 127-137.
2. Аствацатурова М.А. Общероссийская гражданская идентичность как лозунг дня в модернизационном интерьере России // Общероссийская и национальная идентичность: материалы международной научно-практической конференции, 19-20 апреля 2012 г. / Под ред. В.З. Акопян и др. Пятигорск: Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2012. С. 32-36.
3. Ленин В.И. К истории национальной программы в Австрии и России // Ленин В.И. Полное собрание сочинений, Т. 24: 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1973. С. 313-315.
4. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Сталин И.В. Сочинения. Т. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. С. 290-367.
5. Закон Российской Федерации от 9 октября 1992 г. N 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/104540/#block_21

6. Хабриева Т.Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2003. 255 с.
7. Иванова С.Ю. Общероссийская идентичность и этническая идентичность: диалектика общего и особенного // Общероссийская и национальная идентичность: материалы международной научно-практической конференции, 19-20 апреля 2012 г. / Под ред. В.З. Акопян и др. Пятигорск: Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2012. С. 67-72.
8. Волох В.А. Новая Россия: политика и управление миграционными процессами; монография. Самара: Издательский Дом «Бахран-М», 2015. 192 с.
9. Федеральный закон от 17 июня 1996 г. N 74-ФЗ «О национально-культурной автономии». Общероссийский информационный ресурс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/135765>
10. Андриченко Л.В. Правовой статус национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации // Общероссийский информационный ресурс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/commlaw/1342>
11. Дмитриева Т.Н. Перспективы участия национальных объединений Москвы в процессе интеграции мигрантов // Власть. 2015. № 8. С. 84-89.
12. Пешкова В.М. Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Мир России. 2015. № 2. С. 129-151.
13. О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации (проект). Федеральная миграционная служба России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.77.fms.gov.ru/documents/projects/item/1623>
14. Постановление Правительства Москвы № 653-ПП от 19 августа 1997 года «О готовности системы образования г. Москвы к новому 1997/98 учебному году». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mosopen.ru/document/653_pp_1997-08-19
15. Постановление Правительства Москвы от 25 августа 1998 года N 646 «Об утверждении Программы развития этнокультурного (национального) образования в Москве на 1998-2000 годы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/8317036>
16. Постановление Правительства Москвы от 26 декабря 2012 года N 839-ПП «О признании утратившими силу правовых актов (отдельных положений правовых актов) города Москвы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/537928693>
17. Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Сообщества мигрантов в Москве как среда интеграции: результаты этнографического исследования // Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика. М.: Academia, 2014. С. 50-81.
18. Дмитриева Т.Н. Состояние и перспективы развития инфраструктуры для социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Москве // Государство, власть, управление и право: история и современность: материалы 5-й Всероссийской научно-практической конференции / Государственный университет управления. М.: ГУУ, 2015. С. 117-121.
19. Севоян Д.Г. К вопросу об основных сферах деятельности национально-культурных автономий // Политика и Общество. 2014. № 12. С. 1479-1484. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.12.14087.

References (transliterated):

1. Filippova E.I. Mul'tikul'turalizm kak politika i kak figura rechi // Vestnik Rossiiskoi natsii. 2014. № 2. S. 127-137.
2. Astvatsaturova M.A. Obshcherossiiskaya grazhdanskaya identichnost' kak lozung dnya v modernizatsionnom inter'ere Rossii // Obshcherossiiskaya i natsional'naya identichnost': materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 19-20 aprelya 2012 g. / Pod red. V.Z. Akopyan i dr. Pyatigorsk: Pyatigorskii gos. lingvisticheskii un-t, 2012. S. 32-36.
3. Lenin V.I. K istorii natsional'noi i programmy v Avstrii i Rossii // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii, T. 24: 5-e izd. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1973. S. 313-315.
4. Stalin I.V. Marksizm i natsional'nyi vopros // Stalin I.V. Sochineniya. T. 2. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1953. S. 290-367.
5. Khabrieva T.Ya. Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya v Rossiiskoi Federatsii. M.: Yustitsinform, 2003. 255 s.
6. Ivanova S.Yu. Obshcherossiiskaya identichnost' i etnicheskaya identichnost': dialektika obshchego i osobennogo // Obshcherossiiskaya i natsional'naya identichnost': materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 19-20 aprelya 2012 g. / Pod red. V.Z. Akopyan i dr. Pyatigorsk: Pyatigorskii gos. lingvisticheskii un-t, 2012. S. 67-72.
7. Volokh V.A. Novaya Rossiya: politika i upravlenie migratsionnymi protsessami; monografiya. Samara: Izdatel'skii Dom «Bakhran-M», 2015. 192 s.
8. Andrichenko L.V. Pravovoi status natsional'nykh men'shinstv i korennykh malochislennykh narodov v Rossiiskoi Federatsii // Obshcherossiiskii informatsionnyi resurs. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.lawmix.ru/commlaw/1342>
9. Dmitrieva T.N. Perspektivy uchastiya natsional'nykh ob'edinenii Moskvyy v protsesse integratsii migrantov // Vlast'. 2015. № 8. S. 84-89.
10. Peshkova V.M. Infrastruktura trudovykh migrantov v gorodakh sovremennoi Rossii (na primere migrantov iz Uzbekistana i Kirgizii v Moskve) // Mir Rossii. 2015. № 2. S. 129-151.
11. Varshaver E.A., Rocheva A.L. Soobshchestva migrantov v Moskve kak sreda integratsii: rezul'taty etnograficheskogo issledovaniya // Migranty, migrantofobii i migratsionnaya politika. M.: Academia, 2014. S. 50-81.

12. Dmitrieva T.N. Sostoyanie i perspektivy razvitiya infrastruktury dlya sotsial'noi i kul'turnoi adaptatsii i integratsii inostrannykh grazhdan v Moskve // Gosudarstvo, vlast', upravlenie i pravo: istoriya i sovremennost': materialy 5-i Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii / Gosudarstvennyi universitet upravleniya. M.: GUU, 2015. S. 117-121.
13. Sevoyan D.G. K voprosu ob osnovnykh sferakh deyatelnosti natsional'no-kul'turnykh avtonomii // Politika i Obshchestvo. 2014. № 12. С. 1479-1484. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.12.14087.